

Личное дело коммуниста Мещерякова

[Александр Расторгуев](#)

ИСТОРИИ И ЛЕГЕНДЫ ИНСТИТУТСКОЙ ДУБНЫ

<https://www.proza.ru/2012/09/20/1041>

Образование международного центра стало судьбоносным событием в истории институтской Дубны, но оно же стало и поворотным пунктом в судьбе её основоположника М. Г. Мещерякова. Вскоре после принятия межправительственного соглашения об учреждении ОИЯИ, а Институт ядерных проблем Академии наук, который возглавлял МГ, уже превращался в Лабораторию Объединённого института, состоялось партийное собрание ИЯПАН. От этого собрания остались одни воспоминания, и к ним не любят возвращаться, да и сам МГ не любил, а ещё стенограмма которая наверняка до сих пор ещё хранится где-то в архивах ЦК КПСС.

Считается, что Мещерякова «свалили» В. П. Желепов и Б. М. Понтекорво. Одним из активных участников этой акции был А. А. Тяпкин, именем которого в Дубне названа высшая точка на Чёрной речке. Тогда он только что стал кандидатом в члены КПСС и рвался в бой. На его воспоминания мы и опираемся. В повестке собрания было два пункта: «Культ личности Сталина» и «Разное». Перед собранием секретарь парторганизации Н. И. Петров собрал узкий круг лиц и сообщил, что вопрос о том, кто создавал культ Сталина поднимать не будем, его в ИТЭФ уже поднимали, и все знают, чем это

кончилось: смутьянов исключили из партии и уволили из института. А вот в разделе «Разное» кто-нибудь спросит, почему из Лаборатории уходит Бруно Понтекорво, а после его ответа, выступит коммунист Тяпкин и поставим вопрос о культе личности Мещерякова. Сценарий был продуман, роли расписаны. Собрание прошло как по нотам. Единственным аккордом вне партитуры прозвучало самокритичное выступление начальника политотдела В. В. Батюни, который всегда становился на сторону директора. О мотивах этого поступка Алексей Алексеевич узнал только через несколько лет, когда Дмитрий Иванович Блохинцев рассказал ему о визите товарища Аристов в Дубну в феврале или марте 1956 года. Аристов возглавлял отдел ЦК КПСС по науке. Визит его был рабочим и в средства массовой информации не попал, да тогда их в Дубне и не было. Прощаясь с товарищем Аристовым у проходной, Дмитрий Иванович спросил, что делать с Мещеряковым, и получил ответ: а вам не ясно?. Мнение ЦК на этот счёт оказалось вполне определённым: как такой человек может работать руководителем в международном институте, если он и с одним иностранцем не смог справиться. И это услышали все, кто был в сопровождающей группе из городского руководства. Вот откуда начальник политотдела узнал о решении высших органов о судьбе нашего Мещерякова.

Когда с первым пунктом повестки собрания покончили, секретарь партийной организации Н. И. Петров спросил, почему из Лаборатории уходит Бруно Понтекорво? Вопрос, видимо, адресовался коммунисту Мещерякову. Тот предложил: «А давайте его самого спросим». И Понтекорво, который к тому времени вступил в члены КПСС и был одним из участников собрания, встал и объяснил с присущим ему темпераментом. В адрес директора Лаборатории прозвучали слова «хам» и «самодур».

Непосвящённые в заговор, а таких было большинство, замерли. В оглушительной тишине слово взял молодой коммунист Тяпкин. Всё это так, всё это мы и сами знаем, и ничего нового Бруно Максимович нам не сказал. Я задаюсь другим вопросом: кто виноват? Мы сами. Вовремя не поправили своего старшего товарища. И тут — снова неожиданный поворот событий. В. В. Батюня, которого считали человеком Мещерякова, неожиданно заявил: нет, товарищи, это я виноват. Проглядел. И собрание забурлило.

В ответном слове МГ признал свои ошибки в руководстве Лабораторией, но счёл нужным добавить: «Я всегда честно служил русскому народу». Бруно Максимович отреагировал: «Видите, как он пользуется русским языком, я так не умею». Собрание вынесло Мещерякову строгий выговор с занесением в личное дело. Могло быть хуже, некоторые настаивали на исключении из партии. Стенограмма того собрания на следующий же день были срочно затребованы в Москву для принятия окончательного решения по МГ. И вскоре он был снят.

Венедикт Петрович рассказывал, что незадолго до этого Людмила Васильевна, супруга Михаила Григорьевича, пригласила его под благовидным предлогом к

ним домой. Там его встретил МГ и, как говорил Желепов, огорошил его сообщением: меня снимают, тебя назначают. Желепов натурально удивился: откуда Вы знаете? Не может быть! Но Михаил Григорьевич был хорошо информированным человеком. А Венедикт Петрович, кстати, своего слова в этой истории не сказал. Он, конечно, был в курсе готовящегося собрания, активным участником заговора, по-видимому, не был. МГ спросил прямо: не будешь ли ты против, если я останусь в Лаборатории?

А вот конфликт МГ и Понтекорво был. А с кем у МГ их не было? Недовольство им назревало давно, и его конфликт с Понтекорво оказался удобным поводом, а партийное собрание стало волеизъявлением народных масс.

Понтекорво сказал: все его боятся, а я не боюсь — и поехал в Москву к Курчатову. Это был декабрь 1955 года, до образования ОИЯИ оставались считанные месяцы. Бруно Максимович был уверен в себе. За 5 лет работы и жизни в СССР его позиции значительно укрепились. Его рассекретили, он вступил в КПСС. Теперь они были товарищи по партии, и МГ его недооценил. Для него он так и остался перебежчиком, и отношение его к Понтекорво было соответственным.

Не исключено, что взаимная неприязнь зародилась ещё с первого появления Понтекорво в секретной Гидротехнической лаборатории осенью 1950 года. МГ позволил себе унижить Понтекорво в присутствии западных физиков и бывших коллег по Харуэллу. Это была ошибка. В 1955 году, когда ядерную физику в Советском Союзе начали рассекречивать, Дубну посетила большая делегация западных учёных, и в её составе были физики из Харуэлла, где Понтекорво работал до бегства в Советский Союз. МГ сказал: а вот у нас работает ваш коллега Бруно Понтекорво. И вызвал Понтекорво, не предупредив его о гостях, а этого по инструкции делать не следовало. Понтекорво пришёл, не зная, что ему предстоит встреча со своими бывшими коллегами, и никто из британцев не подал ему руки.

Курчатов, высоко ценивший МГ, в первую очередь как организатора, не раз выручал своего «Мишеля»; в 1948 году, например, МГ хотели перебросить в Челябинск-40 (г. Озёрск) на строительство первого промышленного реактора, заместителем директора, а Игорь Васильевич его отстоял, и Михаил Григорьевич стал основателем институтской Дубны. На этот раз Игорь Васильевич промолчал.

Сам МГ усматривал причину крушения своей карьеры не в Понтекорво и не в Желепове и, тем более, не в молодом коммунисте А. А. Тяпкине, а в конфликте с другими, более высокопоставленными персонами. Как он рассказывал, в конце 1954 года ему предложили оставить Дубну, с тем чтобы к XX съезду КПСС (тут Михаил Григорьевич театрально налегал на «о») «Овладеть термоядерной энергией». Предложение исходило от Курчатова. «Он меня пригласил к себе...

Есть мнение (взгляд кверху, указующий перст) Никиты Сергеевича Хрущёва овладеть управляемой термоядерной энергией к открытию XX съезда КПСС. Я создаю мощную группу. Хочу тебя включить в неё. Что ты там сидишь на своём ускорителе? Лёвушка Арцимович будет твой шеф, а ты будешь у него по науке правой рукой.

Я решительно возразил: я не только не хочу быть правой рукой этого деятеля... Он обиделся. Ну, говорит, посмотрим. Недели через две меня вызывают в ПГУ, это будущее министерство среднего машиностроения. Сидит высокое начальство. И снова тот же разговор: «Это будет подарок нашей отрасли съезду». Я говорю: уважаемые начальники, генералы и всё такое прочее, дело в которое вы ввязались — чистейшей воды авантюра. Вас вводят в заблуждение. «Ка-а-ак?!! Вот, знаете ли, мнение такого-то, мнение такого-то...». Я говорю: «Товарищи генералы, вы можете в это верить, но я не советую». Они на меня снова навалились. Тогда я Завенягину, который больше остальных петушился, говорю: Авраамий Павлович, выше физических законов так же нельзя прыгнуть, как выпрыгнуть из яиц!

— Ка-ак?!!

— А вот так, нельзя.

Когда Хрущёву доложили о моей позиции, он почесал карандашом свою лысую голову и сказал: да советский ли он человек? До этого момента я был директором здесь. После этого я почувствовал, что я уже не буду директором».

Его собирались отправить на Дальний Восток, руководить там наукой, но по его личной просьбе оставили в Дубне, работать в Лаборатории, которую он создал и которая теперь носит имя его заместителя. Он остался в должности начальника научно-экспериментального отдела, который через пару лет превратился в сектор. Другие люди стали определять лицо города и Института. Прошло 10 лет, прежде чем его организаторский талант снова был востребован. Строгий выговор так и оставался в его личном деле, но прежде чем партия и СССР стали частью истории, Михаил Григорьевич успел получить памятный знак «50 лет в КПСС».